

Ткаченко Артём

**ИВАН
ГОРОД**

Артём Ткаченко

Иван-город

«Издательские решения»

Ткаченко А.

Иван-город / А. Ткаченко — «Издательские решения»,

«Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» — эти слова произнёс Иисус 2000 лет назад, но насколько они актуальны сегодня? История о разных людях, говорящих, по сути, об одном и том же. Кто из них сможет достучаться до небес, а кто нет... покажет лишь время.

Иван-город

Артём Ткаченко

«Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят»

© Артём Ткаченко, 2016

© Артём Брок, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– У меня здесь четыре закладки... Кое-что выписал себе в этот блокнот. Вот план проповеди, чтобы вдруг не забыть ни одной важной мысли. В целом, всё готово. В целом, всё хорошо. Ещё вечером всё было готово. Но, простите... Мне не хочется говорить об этом. Совсем. Я понимаю, что надо, что мне позволено стоять здесь сегодня именно для того, чтобы я говорил проповедь, чтобы практиковался, чтобы смог себя проверить, другим молодым братьям пример подать. И я знаю, что есть правила, и что мне оказана честь стоять сегодня перед вами... Но, если честно, мне не по себе. Вы все такие красивые сегодня. И погода такая приятная. И зал у нас просто замечательный...

Позвольте мне просто поговорить с вами... Позвольте мне быть честным сегодня. Нас ведь так и учили – за кафедрой быть честным до предела. Может, это и не вовремя, и не совсем кстати. Может, было бы лучше всё-таки вернуться к закладкам... Но, простите меня... Наверно, это очень важно, и нужно сказать это именно сегодня. Просто я думаю, что болен. Точнее, я в этом уверен. Уже полгода, с апреля месяца. Я тяжело болен... Я уверен, что эта болезнь сильнее меня и она убьёт меня рано или поздно. Я надеюсь на это. И если честно, я хочу, чтобы этот день поскорее наступил. Я жду его так, как я жду приход каждого лета и, в особенности, весны.

Я не думаю, что я лучше или хуже других... Просто я просил. Искренне молил Бога, чтобы это произошло. Я просил каждый день, не переставая, и вот... Я чувствую, что болен. Я еще давно молил Бога об этом, но не так серьёзно. А теперь я твердо уверен, что заболел по-настоящему. Теперь, я надеюсь, у меня всё будет по-настоящему: по-настоящему буду болеть и по-настоящему умру. Я хочу поторопить этот день, но понимаю, что всему своё время. Если нужно будет поболеть долго, значит, так тому и быть. И мне совсем не страшно. Наоборот, меня пугает мысль о том, что я могу начать поправляться. Я не хочу поправляться. Я видел несколько раз, как люди шли на поправку... Я бы так не хотел. Очень хочу поболеть до конца. Страшно, если вдруг выздоровею. Не хочу этого, правда...

Я все полгода не был до конца уверен, но вчера вечером осознал, что это всё происходит со мной. Бог мне напомнил о Сергее. Помните Сергея? Я забыл его фамилию. Я вообще давно о нем не думал, но вчера вспомнил: его голос, глаза, одежду и лицо. Он тогда давно первый рассказал мне о смерти. Он так сильно болел. Мне тогда тоже хотелось заболеть вместе с ним... Но ему было тридцать, а мне не больше четырнадцати... И вот я вспоминаю сегодня, как он, будучи безнадежно больным, вдруг выкарабкался... Он еще не один год потом жил здоровый с нами. Помните? Он сидел вот на том стуле... Потом песни стал писать, пел их нам. Потом уехал куда-то... Ну, кто помнит Серёжу? ... Да нет... Серёжу уже многие забыли. Многие и знать его не могут, ведь нас тогда было здесь гораздо меньше. А я не забыл. Я хорошо помню, как близок он был к смерти. Я не давал ему проходу и старался чаще видаться с ним в те дни. Он тогда на фабрике работал. Много работал, почти без выходных. Помню, как встречал его на проходной, как провожал до дома. Я бегал за ним, как собака на привязи. Помню, как нас по дороге снегом засыпало, и какой мороз тогда стоял. Я провожал его до дома, и он приглашал меня войти. Он с мамой жил, она нас всегда чем-

нибудь угощала. А я всё ждал развязки, выпытывал у него каждое слово. Стремился понять, что он чувствует и о чем думает. Он вот-вот должен был умереть, и я хотел при этом присутствовать. Я помню, как он плакал часто, смотрел в небо и рассказывал о своей боли... А потом он стал поправляться. И поправился. К нему уже во сне дважды приходил кто-то, а он выздоровел... Причем резко. Работу хорошую нашел, в квартиру новую большую смог переехать. Я уже не мог больше его провожать, как раньше, на фабрику. А затем вообще стали редко видеться. Все так радовались за него... Потом новоселье у него было... Почти все тогда пришли к нему. И я был. Как мы только тогда вместились в его квартире? Помню, что обуви было много в коридоре. Кто-то с собакой пришел, и она там спала на сапогах. Все тогда радовались его успехам, благодарили Бога, вместе песни пели. И я пел. Не совсем понимал я нашей радости, но вёл себя, как все. Помню, кто-то обнял тогда Серёжу и сказал, что благ Господь... Я повторил: тоже обнял его и те же слова сказал. Он выздоровел и уехал... Теперь, кажется, в Америке живет. Я тогда грустил сильно, скучал по нему... Но больше всего я переживал, что так и не увидел мёртвого человека. Мертвого Сережу...

И вот... Прошло столько лет... Я вспоминаю всё это и понимаю, что у меня теперь, как у Серёжи. Один в один. Я очень рад этому, хотя и знаю, что это очень больно. Больно уже сейчас, а как тяжело ещё дальше будет... Ко мне ведь тоже во сне Бог приходит начал. Я видел высокую траву, в которой я как будто умираю...

После этих слов Андрей раскрутил намотанный на руку провод и положил микрофон на кафедру. Подвешенные по краям сцены колонки издали характерный звук удара, который поставил точку в этом коротком и невнятном выступлении. Затем выступивший взял свою Библию для детей и несколько бумажек, вырезанных ножницами, которые лежали на нижней полке прозрачной кафедры. Потом ещё раз посмотрел в зал и начал спускаться со сцены.

Обычно в такие моменты не возникало пауз. Воскресные служения всегда отличались большой слаженностью и, как правило, все действия на сцене сменяли одно другое быстро, четко и аккуратно. Раз в месяц пастор церкви «Путь Веры» давал возможность молодым братьям произнести проповедь с кафедры. Несколько разных человек могли выступить в течение одного служения. И, не смотря на различное содержание таких выступлений, всегда чувствовалась четкая слаженность. Одним из основных требований к начинающим проповедникам была краткость. Каждое выступление длилось не больше пятнадцати минут. Обычно молодые люди сильно волновались, стоя за кафедрой, и концовки таких проповедей читались опытным пастором. Он успевал подняться на сцену и принять микрофон из трясущихся рук того или иного брата. Однако сегодня пастор не срежиссировал этот момент и после того, как Андрей спустился в зал, просидел на своём месте еще какое-то время. Затем вскочил и двинулся к кафедре быстрыми шагами. Взяв в руки свою пасторскую Библию, он лишь успел проводить взглядом Андрея, пробиравшегося между людьми на своё место в зале. Нависшая в зале тишина просто обязывала многолетнего лидера собрания как-то прокомментировать услышанное. Нахмутив брови и проведя открытой ладонью по редющим волосам, Борис Сергеевич вымолвил «Аминь» и внимательно проследил за тем, чтобы Андрей наконец-то уже сел на своё место, разобравшись со своим пуховиком. Затем, отведя взгляд на большое окно, пастор сжал губы и тяжело выдохнул через нос. Борис Сергеевич был человеком опытным и понимал, что сейчас нужно как-то разрядить обстановку. Ничего более странного никто и никогда не говорил с этой сцены. Выступление Андрея погрузило прихожан в странный ступор, и люди молча сидели в некоем замешательстве. К тому же, всё произошло как-то резко и совсем непонятно. Было такое чувство, будто кто-то чего-то не договорил. Словно кого-то перебили на полуслове или выключили звук на самом интересном моменте. Это было похоже на перевёрнутую страницу некоей странной книги, и страница эта была недочитанной, как минимум, на половину.

Спустя минуту зазвучавший голос пастора оказал своё привычное действие, и люди стали немного приходить в себя. Борис Сергеевич ловко перевёл тему, заговорив о том, как Всевышний общается с нами на нашем языке. Словно пытаясь подвести итог сказанному молодым Андреем, он выразил глубокую благодарность Спасителю за каждого члена церкви и за искренность начинающих проповедников. Прихожане начали ерзать на стульях и переглядываться между собой. Появился шум шелестящей одежды, послышался шёпот, и напряжение начинало по немного стихать.

Тем временем, чтобы окончательно перебить неприятный осадок от проповеди, пастор вновь сказал своим хриплым и негромким голосом: «Итак, поскольку выступления на сегодня закончились, я предлагаю завершать наше служение. Сейчас мы прославим Господа, после чего проведём воскресную молитву о наших нуждах». Церковь не знала, на кого смотреть. С одной стороны, в зале рядом с ними сидел Андрей, который только что говорил о каких-то страшных и непонятных вещах, о какой-то болезни со смертельным исходом. С другой стороны, на сцене под прожектором стоял пастор Борис, который никак не заострил свое внимание на сказанном молодым братом. Он всем своим видом пытался донести до членов церкви мысль о том, что служение идёт своим чередом и не нужно сбивать привычного ритма. И если наступило время для окончания собрания, то, значит, так тому и быть... Все вопросы и комментарии по поводу исповеди Андрея, видимо, нужно оставить на потом.

По боковому проходу вышла группа музыкантов и поднялась на сцену. Характерный звук включающихся музыкальных инструментов окончательно привёл всех собравшихся в чувства: в привычные и понятные чувства. Зазвучали первые аккорды, и люди начали вставать со своих мест. Петь песни поклонения, конечно же, было принято стоя. Все взоры устремились на сцену, где умелыми действиями звукорежиссера и музыкантов вдруг всё ожило и заиграло невероятными красками. Там же, в правом углу сцены, висел монитор, на котором отображались строки песни для тех, кто еще не знает слов. Божественно мелодичная песня о Спасителе, словно волна океана, поглотила всех стоящих в зале. К небу поднялись руки, и в унисон с певцами у микрофонов запел и весь зал. Андрей стоял вместе со всеми, прижимая к животу смотанный, не сданный по обыкновению в гардероб, пуховик. Не открывая рта, он лишь изредка поглядывал на сцену. Смотрел то в пол, то в потолок, пытаясь осмысливать каждое слово из новой песни. Всего за несколько минут всё так резко изменилось. Ещё мгновения назад он стоял на этой сцене совсем один в полной тишине... Теперь там выступали семь музыкантов и певцов в приятном освещении желтых ламп, и весь зал окутала громкая музыка. Казалось, уже никто не помнил ничего из сказанного молодым человеком. Андрей никогда и не требовал к себе какого-то особого внимания, однако сегодня он искренне не понимал, к чему такая спешка и почему всё так стремительно меняется в этом зале. Но это лишь ему казалось.

На самом деле так было всегда. Существовал определенный сценарий, по которому проходило каждое воскресное служение в церкви, будь то «Путь Веры» или любая другая протестантская церковь. Структура всегда была одинакова: приветствие, молитва перед началом собрания, несколько песен прославления, проповедь, вновь немного пения и заключительная молитва о нуждах.

Вот и сегодня всё было, как всегда. Музыканты плавно переходили к следующей песне, заполнив паузу произнесённой вслух молитвой одного из певцов. Затем сменилась тональность и ритм, заиграла песня из раздела «вдохновляющих на жизнь»... Под такую музыку прихожане активно хлопают, громко поют и постоянно поворачиваются лицом друг к другу. Андрей всегда любил песни такого типа, они его и удержали когда-то в этом собрании. Однако сегодня он не был весел. Ведь он был болен и скоро должен умереть... Он не винил за веселые песни своих друзей с гитарами, они ведь планируют репертуар заранее, еще на неделе...

Стоящая рядом с Андреем женщина взяла его за руку и посмотрела ему в глаза. Она годилась ему в мамы, от того и взгляд её казался Андрею теплым и заботливым. Ее звали Марина. Это была женщина, рядом с которой он сидел на всех собраниях уже несколько лет. Он сильно её любил и называл ласково «тетя Марина». Она, в свою очередь, тоже тепло относилась к молодому брату, и потому сегодня, после всего услышанного, была очень напугана и, вцепившись в его руку, не отпускала её до самого окончания служения. Когда был включен общий свет в зале и начался гул голосов, Марина сразу же усадила Андрея на стул и обхватила его руки своими ладонями:

– Андрюша, милый, что с тобой? Ты заболел? Тебе плохо?

Верный друг и сестра во Христе пыталась понять, что произошло. Она действительно была сильно взволнована.

– Тётя Марина, я это говорил в переносном смысле... Ну, в смысле, если Вы переживаете о моём физическом здоровье, то всё хорошо. Не бойтесь, я здоров. Простите... Я хотел сказать о духовной боли. Понимаете? Ну, что вы? Всё хорошо. Это же все очень хорошо. Я ведь о духовном... —

Андрей был напуган тем, что так сильно взволновал Марину и поэтому очень хотел её успокоить:

– Я ведь, наоборот, имел ввиду, что я расту духовно. Ничего плохого не подумайте. Не бойтесь, всё хорошо. Я к вам зайду на днях, всё расскажу. Это очень хорошие новости, а не наоборот, как вы подумали... Давайте, я к вам завтра забегу? Вы не против?

Тем временем возле них стали собираться люди... Кто-то был уже одет в верхнюю одежду, кто-то ещё не успел дойти до гардероба и стоял ближе всех к разговаривающим на стульях. Среди подошедших было несколько женщин возраста Марины. Все они выглядели напуганными и тоже хотели узнать, что случилось с Андреем. Тогда он поднял на них глаза и, не отпуская рук Марины, обратился ко всем:

– Простите, если напугал кого-то из вас. Всё хорошо. Я не болен. Я имею ввиду, что не болен физически. Физически я здоров... Ну, вы понимаете? Это я говорил о духовной болезни и о духовных муках. Простите, что так неправильно выразился. Просто, наверное, мне нужно было как-то по-другому всё это объяснить. Простите, что вы меня не так поняли.

Женщины наклонялись и целовали Андрея в щёки. Начинали улыбаться и говорить, что очень испугались за его здоровье и теперь очень рады тому, что здоровью Андрея ничего не угрожает. Подробности его объяснений их особо не интересовали. Все они знали Андрея очень давно. Знали о том, что он не совсем обычный человек, но всё же испытали искреннее облегчение и стали прощаться одна за одной. Марина по-матерински обняла парня и попросила беречь себя. Андрей еще раз предупредил её, что зайдёт на неделе. На том и договорились.

Когда Андрей одевал свой пуховик, в зале уже почти никого не было. Кто-то выключал музыкальную аппаратуру на сцене, кто-то из пожилых расставлял стулья в ровные ряды. В опустевшем зале появилось эхо, которого не бывает при хорошей наполненности людьми. Андрей спустился вниз по лестнице, прошёл по коридорам мимо воскресной школы, библиотеки и незамеченным вышел на улицу из здания церкви. Отойдя на несколько метров от центрального входа, он достал из кармана шапку и нахлобучил на голову. Несмотря на яркое воскресное солнце, день этот был очень холодным.

Андрей был инвалидом с рождения. Еще в детстве, когда глупые и жестокие дети спрашивали прямо в лоб о его странностях, он отвечал заученными терминами, одним из которых был «родовая травма». Жил Андрей вместе с родителями. Была ещё старшая сестра, которая уехала за границу и вышла там замуж. Отец жил в мире рыбалок и телевизионных программ на политические темы. Мать была уже на пенсии. В прибалтийских странах выплачивали хорошие пособия на детей инвалидов, и, справедливости ради, нужно признать, что

пособие Андрея, по сути, кормило всю их семью многие годы. Ему было уже двадцать пять. Теперь его мать была ещё и социальным работником, получающим дополнительные средства по уходу за инвалидом.

Последние десять лет он практически жил церковью и верой в Спасителя Христа. Однажды случайно забредя в здание церкви «Путь Веры», он попал на рождественский вечер. Его очень хорошо приняли, и Андрей там прижился. Он был немного странным в глазах людей, закончил только восемь классов, но в церкви его полюбили. Конечно же, не все, и конечно, это было больше сочувствие, а не любовь. В благодарность и Андрей полюбил церковь. Так год за годом он не пропускал ни единого служения, старался всегда и во всём помочь. Не обладая никакими особыми талантами, но будучи при этом в хорошей физической форме, молодой парень много помогал при строительстве и ремонтных работах в здании церкви.

Полгода назад один из братьев даже пригласил его в свою небольшую ремонтную бригаду в качестве чернорабочего, и Андрей стал зарабатывать свои первые деньги. Не очень большие, но всё же деньги. Жил он также вместе с родителями, но становился всё более самостоятельным. Обслужить он себя мог, но недостаточно хорошо. Мать готовила ему еду, обстирывала, следила, чтобы сын одевался по погоде. Иногда у него случались приступы паники по ночам, и нужно было его успокаивать и затем отпаивать горячим чаем. Таких, как Андрей, называют больными.

До прихода в церковь ему было очень непросто в обществе, но его новая христианская семья сделала его немного счастливей. Все понимали, что Андрей инвалид, но никто и никогда не обижал его насмешками. Он пережил несколько неприятных эпизодов с молодыми братьями, но это было уже давно. В целом, в Божьем доме его принимали за полноценного члена церкви, и Андрей это очень ценил. Он был искренним и безотказным другом для всех. Родители поначалу были против его хождения в «секту», но затем смирились и даже стали немного этому рады. Маму успокоила сестра Андрея, рассказавшая в один из приездов, что в Европе множество подобных церквей, которые являются вполне приличными организациями. Андрею, в итоге, было разрешено посещать собрания, и вся его жизнь разделилась на «до и после». Церковь стала его пристанищем и вторым домом. Кого-то из прихожан могли раздражать его странности, но он старался не высовываться. Первые годы он ходил за молодёжью хвостиком и лишь в последнее время стал немного общаться и рассуждать со взрослыми. Старшим братьям это показалось интересным, и пастор позволил Андрею готовить короткие проповеди.

Сегодня Андрей выступал перед всей церковью в первый раз.

Вечером того же дня у Марины раздался сигнал домофона. Сняв трубку, она услышала привычный и любимый голос того, кого она уже не первый год считала своим хорошим другом и почти сыном. Открыв входную дверь, она стояла в халате в дверном проёме, глядя на лифт. Двери разъехались в разные стороны, и к ней навстречу вышел усыпанный снегом Андрей. Марина завела его в квартиру и стала по матерински обтряхивать с плеч и шапки остатки снега.

– Здравствуй, золотой. Здравствуй, хороший. Как хорошо, что ты зашёл. Весь день о тебе думаю. Раздевайся.

Андрей хорошо знал этот дом, так как очень часто бывал здесь. Он повесил пуховик на крючок прямо за капюшон и положил шапку на полку под зеркалом. Затем присел на маленький пуфик и начал замерзшими пальцами развязывать шнурки. Марина вернулась с кухни и стала интересоваться жизнью Андрея, перевешивая пуховик за петельку.

– Замерз... Ты чего без рукавиц? Забыл или потерял? Давай проходи... Андрюша, ты меня так напугал сегодня... Да что там меня, вся церковь была напугана. Мы потом с сест-

рой домой шли, всё гадали... Ты так больше не делай. Ты мне расскажи хоть толком, что стряслось.

Зайдя на кухню, Андрей сел на свою табуретку. На столе стояли привычные две чашки и небольшая вазочка с печеньем. Электрический чайник уже громко бурлил и, отключившись, щелкнул. Марина налила кипятка в чашки и кинула каждому по чайному пакетiku. Затем вновь вопросительно взглянула на своего вечернего гостя...

Андрей сначала долго рассказывал последние новости из жизни церковной молодёжи, про запланированный велопоход в апреле. Почти час говорил про всякую ерунду в сущности, словно боялся перейти к той теме, которую нужно было обсудить сегодня. Марина всё-таки надавила еще раз и спросила в лоб, что же произошло на служении.

– Тётя Марина, я поэтому и пришёл. Прямо сегодня... Простите, что раньше вам ничего об этом не рассказывал. Я и сам толком не знал ничего. Просто мне кажется, что в моей жизни что-то случилось...

Марина со словом «секундочку» пошла в комнату. Андрей услышал, что она выключила телевизор, который смотрела до его прихода. Странно, но он работал всё это время за стенкой и был вполне хорошим фоном. Затем Марина села вновь за кухонный стол и начала слушать.

Она была единственным человеком, который умел его слушать. Он потому и бегал сюда по поводу и без. Марина однажды пригласила его помочь вынести с балкона какое-то барахло, и он стал захаживать к ней. Она была одинокой женщиной с нелёгкой судьбой, и ей было приятно, что хоть кто-то к ней забегает. Затем они сдружились. Она конечно жалела его... Ей было жалко, что хороший и добрый парень обречён на тяжёлую и одинокую жизнь. Люди с диагнозом Андрея не заводят семьи и чаще всего всю жизнь живут на пособие по инвалидности. Они никому особенно не нужны, кроме своих родных.

Сама Марина была вдовой. Муж её умер лет двадцать назад, а взрослый сын уже давно жил со своей семьёй где-то в России. Сказать, что у Андрея и Марины было что-то общее? Да нет. Просто ей хотелось о ком-то заботиться, а ему нравилось, что его тепло встречают, угощают и слушают. Они почти никогда не затрагивали духовных тем, хоть и были членами одной церкви... Марина много рассказывала ему про свою бывшую работу, сына и внуков. Андрею почему-то очень нравились её рассказы про работу на Чукотке в Советские времена. Он много говорил с ней о своей жизни, о детстве, сестре и прочем.

Так они дружили уже несколько лет. Забегал Андрей к Марине не реже, чем раз в месяц... Бывало и чаще. Марина не знала его родителей в лицо, но почему-то часто спрашивала Андрея про них. Однако про родителей он почти ничего не говорил.

– Так вот. Помните, я сегодня говорил про смерть?

– Конечно помню, Андрей.

– Так вот, мне кажется, что не все меня поняли сегодня. Я имел ввиду смерть духовную... Ну, о которой говорил Иисус. Я плохо помню, как именно... Ну, помните, Иисус говорил, что всем нам нужно умереть для себя и ожить для Бога, что когда мы умрём духовно, то тогда воскреснем и будем жить. Ну, что нам нужно перестать жить для себя, а, значит, как бы умереть. Ну, не по-настоящему, а духовно...

Андрей всегда очень волновался, когда нужно было говорить на серьёзные темы. И в этот раз, впервые за этим столом, он начал заикаться, и цвет его лица становился красным.

– Андрюша, не волнуйся. Очень хорошо, что ты понимаешь эти вещи. Только не волнуйся, – Марина улыбалась и гладила Андрея по руке.

– Тётя Марина, понимаете... мне кажется, что я готов. Ну, к духовной смерти. Понимаете? Мне всегда это было страшно... Даже представить толком не мог, но сейчас, кажется, я понимаю, что вовсе не страшно умирать, а даже наоборот, приятно. Одна мысль о том,

что, преодолев всё, я смогу духовно воскреснуть и стать «новым твореньем»... Ну, в общем, очень приятно такое представить. Я, наверное, вам не говорил, но я всегда этого хотел. Умереть и воскреснуть... Духовно...

Марина слушала и улыбалась. Несмотря на всю серьёзность лица Андрея, её очень умиляла эта ситуация. Так умиляются родители, когда их сын первоклассник с полной серьёзностью рассказывает, как полюбил девочку из класса. Так умиляются, когда маленькая дочь волнуется перед выступлением на школьной сцене. Так умилялась и Марина, когда смотрела на Андрея, который, будучи человеком не от мира сего и практически не умеющим писать авторучкой, вдруг рассуждал о серьёзных духовных темах.

– Андрюш, а что за история про Сергея? Я не совсем поняла сегодня. Ты Катриченко Серёжу имел ввиду?

– Ну, конечно. Вы, наверное, не знаете, но он такой духовный был. Таких я больше не встречал в жизни. Он Бога видел. К нему ангелы во снах приходили, Иисус во сне к нему в комнату заходил, разговаривал с ним. Он мне тогда и рассказал, что самое главное для христианина – это смерть. Он говорил, что, если человек не сможет умереть внутри себя, то он не может называться христианином. Он говорил еще, что Бог пришёл очень близко в его жизнь, и что он скоро умрёт... Я тогда ему верил. И сейчас верю, что всё так и было. Но, мне кажется, он так и не умер.

– Ну что ж, Серёжа парень хороший. Я помню его. Отлично помню, хоть он и уехал давно. Он ведь несколько песен хороших написал и вообще всегда был очень праведным братом во Христе. Я вот и не совсем поняла сегодня, почему ты так о нём высказался? Словно он чего-то не смог, не произошло что-то. Ты вспомни, как он тяжело работал на этой фабрике... И как всё резко изменилось. Как Господь наградил его за терпение. Он ведь в Америке теперь и, говорят, очень хорошо всё. Женился, ребёнок у него. В русскоязычной церкви правая рука пастора. Служит много, проповедует. Почему ты о нём сегодня так высказался? Мы, к примеру, не совсем тебя поняли...

Андрей немного занервничал. Он вообще всегда боялся конкретных вопросов. Боялся, когда нужно было аргументировать свои слова. Все люди немного напрягаются, когда требуется пояснить свою позицию, а, когда ты инвалид, наверное, это тяжелее вдвойне.

– Нет-нет, что вы, тётя Марина... Я рад, что Сергей в Америке. Знаю, что он служит там в церкви. Просто он мне сам говорил, что, когда человек духовно умирает, он становится Божьим сыном и может видеть Бога. Я вот этого и ждал, хотел посмотреть, как он увидит Бога. Но, мне кажется, у него не получилось. Как вы думаете, тётя Марин?

Марина подливала чай и была немного растеряна. Она не привыкла говорить с Андреем на такие темы.

– Ну, я с Сергеем не была знакома так близко, как ты. Я помню, что ты с ним много времени проводил. И, в целом, я думаю, что он крепок в вере. Возможно, у него был период духовного поиска и жажды. Возможно, он проходил тогда свой путь... Ну, не знаю... Он, видимо, делился с тобой чем-то сокровенным, но думаю, ты что-то не правильно понял. Или понял по-своему. Андрюша, странно всё просто...

– Тётя Марина, да я и сам не вспоминал про это, но я видел сон вчера. Такие сны видел Серёжа и говорил, что это Бог приоткрывает так будущее. Я видел, что я умер и лежу в глубокой траве. Никого со мной нет, я совсем один. Трава очень высокая, и синее небо в глазах. Я думаю, что это Бог коснулся меня и зовёт к себе.

– Андрей... Милый. Ты мне не просто знакомый брат из церкви. Ты ведь мне почти, как сын. Можно я тебе скажу, что я думаю?

Андрей обрадовался. В целом, он очень хотел услышать хоть чьё-то мнение о его переживаниях. Идя к Марине, он на это и рассчитывал. Он уважал её как христианку и когда-то решил для себя сидеть рядом с ней на служениях именно по этой причине. Он знал, что

она честная и порядочная женщина. Она рассказывала, что всю жизнь работала большим начальником на каком-то советском производстве, что в жизни не брала даже коробки конфет и всегда всё делала честно. Андрей очень надеялся, что Марина его поймёт и прочувствует его новый духовный опыт. Он смотрел ей в глаза и ждал её слов...

Марина тем временем немного задумалась и было видно, что старательно подбирает слова. Она уже так делала не раз при общении с Андреем. Чаще всего это касалось тех моментов, когда ей приходилось ссылаться на его недуг в тех или иных вопросах. Считая Андрея всё же сильным человеком, она, хоть и с болью, но всегда говорила с ним прямо. Видимо за эти качества, с её слов разумеется, её и называли на работе «Железякой».

– Андрей, ты помнишь, сколько людей приходило и уходило из нашей церкви? Я сейчас не говорю о тех, кто ушёл в мир. Я о тех, кто искренне искал истины... Ты помнишь? Наблюдая за их горьким опытом, я поняла одну вещь... Знаешь, какую?

– Какую, тётя Марина?...

– Не стоит уходить в духовный экстремизм. Ты меня понимаешь? Знаешь, что такое экстремизм?

– Не совсем... Ну, это когда бомбы взрывают?

– Хм... Почти. Послушай... Ты хороший и добрый парень. Ты спасён нашим Спасителем Христом. Ты в церкви. Понимаешь, ты в Его церкви и ты Его дитя. Если ты слышал когда-то чей-то опыт, тебе кто-то что-то рассказывал, или ты смотрел в интернете, это не означает, что это правда и так нужно поступать всем. У тебя свой путь, и я считаю, ты правильно идёшь по нему. Духовная смерть, воскресение... Это всё правильно, но кто мы такие, чтобы это понять? Мы просто Его дети и живём Его благодатью. Мы не можем прыгнуть выше головы. Ты меня понимаешь?

Скажу честно, я немножко поняла тебя сегодня. Я видела, как ты волновался за кафедрой и как для тебя всё это серьёзно. Но, если честно, я испугалась. Мне кажется, что это не твои мысли. Я верю, что тебе что-то снится и ты о чём-то серьёзном размышляешь... Но посмотри, где все те, кто говорил об этом же до тебя? Сколько людей выходили и говорили о духовной жажде, о каких-то там прорывах... Все они просто сломались. Мы – немощные и не можем всего того, чего бы нам, может, и хотелось. Я боюсь, что и ты можешь больно удариться. Ты будешь ждать чего-то сверхъестественного, а потом просто уйдешь. Тот же Серёжа... Слава Богу, что он тогда не дошёл до крайней точки. Где бы он сейчас был? А тебе и вовсе нельзя принимать всё так близко к сердцу. Я, конечно, рада, что ты такой духовный брат стал, и я даже не ожидала от тебя таких серьёзных суждений... Но, прошу, будь собой. Ты ведь всегда был счастлив, и тебе всего было достаточно...

Марина сказала всё это с такой огромной любовью и заботой, что Андрей сидел и качал головой, не решаясь возразить ни одному её слову. Да и кто он такой, чтобы спорить с образованным человеком, который так доходчиво и деликатно ему всё это посоветовал. Марина продолжала гладить его по руке и, улыбаясь, смотреть на его взъерошенную голову. В целом, ей всегда удавалось правильно повлиять на Андрея. И сейчас она была уверена в том, что больше они к этому вопросу не вернутся.

Андрей тем временем молчал и уже собирался улыбнуться и поблагодарить Марину за понимание и добрый совет. Однако, он поднял глаза и стал кивать с каким-то странным детским прищуром:

– Тётя Марина... я, наверное, просто вам никогда не говорил... Наверное, стеснялся, или момента не было подходящего... Просто я хочу сказать, что я не экстремист. Я всегда был таким, но иногда я просто отвлекался. С первого дня, как я услышал о Христе, и с тех дней, когда я стал общаться с Сергеем, я чётко решил для себя, что я хочу увидеть Бога. Может, я в чем-то и путаюсь и не всегда все правильно понимаю, но одно я понимаю точно. Я всегда хотел подойти к Нему и встать перед Ним на колени, как рыцари встают перед коро-

лём. Понимаете? Просто я потом перестал этого хотеть. Сначала мы делали ремонт долго, потом то походы, то ещё что-то. В общем, я забыл про мечту... А вчера вспомнил. Вспомнил сон, Серёжу... Знаете, я во сне лежал мертвый в глубокой траве... И мне было хорошо. Понимаете?

– Андрей... Прости... Но не совсем. Будешь ещё чай? Я поставлю?

– А... Нет. А сколько времени?

– Девять.

– Ай яй... Меня мама приберёт. Мне нужно бежать. Давайте я ещё раз приду и мы договорим? Просто, вы же знаете, как мама меня строго... Ну, заботится строго обо мне.

– Да знаю, знаю... Хорошая мама у тебя. Волнуется и правильно делает. Ты нам нужен живой и здоровый.

Марина уже держала пуховик и шапку в руках, пока Андрей возился с мокрыми шнурками.

– Как-то толком и не поговорили... Я столько Вам ещё хотел рассказать. Просто понимаете, для меня это очень важно... Я думаю, у меня получится. У кого-то же получается. Кто-то же исцеляет больных? Кто-то же помогает инвалидам? Говорят, что есть люди, с которыми Бог лично говорит...

Марина продолжала умиляться таким фразам Андрея, которых она от него никогда не слышала.

– Андрей, дай тебе Бог. Всего самого самого. Чтоб Он всегда тебя хранил... Ты и так особенный. Он и так тебя любит, без всяких там смертей...

– Тётя Марина, ну, мы еще поговорим. Спасибо за чай. Я полетел.

– Ну лети, лети.

Андрей выскочил на лестничную клетку и вызвал лифт. Марина стояла в открытой двери и ждала вместе с ним. Затем он зашёл в кабину лифта и ещё раз попрощался. Марина когда-то давно ходила в православную церковь, поэтому традиционно перекрестила его правой рукой и тоже помахала. Обоим встреча показалась незавершённой и нерешённой. Андрей винил себя, что поздно пришёл и долго раскачивался, рассказывая про всякие пустые вещи. Что хотел поговорить так о многом, а не сказал почти ничего. Марина жалела несчастного Андрея, которому обязательно был нужен мир и покой, а не духовные терзания... Но оба успокаивали себя мыслью о том, что при следующей встрече они ещё обязательно друг другу что-то докажут.

В понедельник Андрей встал в шесть утра и начал собираться на работу. В пластиковом контейнере были приготовленные на обед макароны и несколько котлет. Мать вставала вместе с ним, чтобы проследить за тем, правильно ли он оделся, ведь была зима. Затем она просила его быть аккуратней и снова ложилась спать.

Уже седьмой месяц Андрей работал у брата Римаса. Тот был одним из шустрейших братьев церкви «Путь Веры». Таких, как Римас, очень часто ставят в пример тем, кто совсем недавно пришёл в церковь и имеет проблемы с алкоголем. Римантас, а именно так к нему обращались подчинённые, когда-то был бандитом. В девяностые натворил грязных дел. С его слов, делал много незаконного и опасного. Имел уважение в городе, отсидел в тюрьме несколько лет за разбой. Затем начал пить и употреблять наркотики. Попад в христианский реабилитационный центр, смог одолеть все свои зависимости и по окончании лечения стал членом церкви пастора Бориса. Спортивное телосложение, наглые повадки, умение добиваться своего – всё это помогло сколотить неплохую бригаду рабочих маляров и штукатурщиков. Так он стал предпринимателем, а именно хозяином небольшой строительной фирмы. В целом, это была бригада из пяти человек, на протяжении нескольких лет выполнявшая ремонты в квартирах горожан за среднюю стоимость. Римас предпочитал, чтобы его бригаду всё-таки

называли строительной фирмой. К сожалению, оснований для этого не было, ведь работали они в чёрную, не имея никакой регистрации и не платя никаких налогов.

Набравшись христианского сленга во время лечения, Римас моментально вписался в церковную жизнь и с первого дня использовал любую возможность, чтобы поговорить в микрофон. Он часто свидетельствовал о том, как Бог изменил его жизнь. В подробностях рассказывал о своей грешной жизни до встречи с Богом и о том, как теперь благословенно он живёт. Борис Сергеевич разрешил Римасу встать у руля им же и придуманного служения «Жизнь без наркотиков», которое заключалось в еженедельных встречах бывших наркоманов. Они собирались в помещении церковного кафе и рассказывали там друг другу, как они борются с желаниями и как Бог им помогает. Римас был лидером этого служения и набрал себе бригаду рабочих именно из таких ребят.

Когда Римас увидел Андрея, носящего ведра с раствором при строительстве церковного крыльца, то предложил ему пойти чернорабочим в его бригаду. Андрей рассказал об этом маме, но та категорически запретила. Андрей очень хотел работать и зарабатывать свои собственные деньги, однако закон запрещал ему это делать. Он получал от государства пособие по инвалидности и раз в год проходил обследование в Каунасе. Если бы комиссия узнала, что он имеет самостоятельный дополнительный доход, то моментально лишила бы его пособия. Узнав об этом, Римас сам пришёл к Андрею в дом и объяснил родителям, что официально оформлять Андрея он не собирается, и таким образом никто не узнает, что он где-то работает. Вскоре мама дала добро, ведь деньги не бывают лишними. Андрей хотел прикупить себе кое-что из техники, но пока все деньги шли, как говорится, в семью.

Андрей получал втрое меньше остальных в бригаде, так как пришёл туда учеником. Римас не заметил, или не хотел замечать, что уже через пару месяцев Андрей мог самостоятельно шпатлевать стены, клеить обои и красиво красить стены и потолки. Зарплата его от этого не менялась и, конечно же, даже заикаться об этом Андрей и не думал.

Началась очередная рабочая неделя, и на ближайшие пять дней Андрея ждала двухкомнатная квартира на пятом этаже, где нужно было много чего переклеить и перекрасить.

– Салют, Андрей! Сегодня с Семёном на двушку. Там на месте тебе Семён всё покажет, я его в пятницу туда возил, показал фронт работ. Я к вам заскочу к вечеру, если что – звоните, я на телефоне. Если хозяин будет приходить со своим мнением, то направляйте его ко мне. Пусть вам мозг не выносит. Говорите: «Римас – наш начальник, с ним и обсуждай нюансы», – Римас передевался в рабочее и отправлял Андрея с напарником на другой адрес. Наверное, ему нравилось напоминать своим подчинённым, кто тут главный.

Семён, с которым предстояло работать Андрею, был типичным бывшим наркоманом. На лице остались следы прошлой жизни. И хоть Семён и напевал христианские песенки, Андрей не говорил ему ни слова о вере и Иисусе на протяжении всего рабочего времени. Несмотря на то, что они и ходили в одну церковь, Андрей никогда им не верил: ни Римасу, ни ему подобным. Все верили и радовались, слушая их невероятные и красочные свидетельства, а Андрей почему-то не верил. Семён пытался заводить духовные разговоры в перерывах, но Андрей притворялся, что не очень в этом разбирается и не поддерживал беседы.

Вечером к ним приехал Римас. Прошёлся пальцами по стенам, показал, что переделать. Привез валики и материалы. Затем достал из кармана комбинезона две пачки печенья и пакет с сахаром.

– Ну что, чай есть у вас? Давайте, всё на сегодня. Пусть подсыхает. Тащи с кухни табуретки.

Втроем прошли на кухню и стали там хозяйничать. Отыскали и чай, и кофе, и даже какао. Решили попить кофе. Семён с кем-то переписывался по телефону и резко засобирился уходить:

– Римас, можно я пойду уже. Нужно очень. Там подъехали за мной.

– Кто подъехал? Смотри мне, узнаю, что употребляешь, – с работы вылетишь. Ты помнишь, когда тяжело – молись Христу и проси у него помощи.

– Римас, да ты чего? Просто друг мой с армии. Он в городе на два дня. Он не пьёт и не курит даже.

– Какая армия, что ты мне мелишь. Смотри, утром мне мочу сдавать будешь...

Семён трусливо смеялся, Римас держал марку лидера и авторитета. Андрей пил кофе молча наблюдая за происходящим и не совсем понимал их словесной перепалки. Подняв чашку у лица он смотрел то на одного, то на другого.

– Всё, свободен. С Богом. Чтоб завтра в восемь как штык...

Семён ушёл, на кухне стало тихо.

– Вот так Андрей. С ними только так. Меня также пасли в центре. Я два раза чуть не соскочил. Там, конечно, парни толковые. Надо было там оставаться работать, мне предлагали... Я отказался. Домой хотел. Теперь вот с вами тут вожусь.

Андрей молча ел печенье, запивал кофе, и лишь жестами головы реагировал на сказанное Римасом.

– Короче, заказ намечается хороший. Потом, возможно в марте, ещё один. Нужно тебе штукатурку осваивать. Людей реально не хватает... станешь чисто мастером, а чернорабочего я найду.

Андрей решил не дожидаться развития разговора и поведать начальнику о своих планах:

– Римас, я в марте ещё поработаю... и в апреле, наверное, тоже, но в мае я уеду. Поэтому сильно на меня не рассчитывай. Я пока не знаю точно, когда и куда, но, думаю, в июне меня тут уже не будет.

– Опа! Что-то новенькое. А куда едешь? С родителями?

– Говорю же, не знаю... Куда Бог покажет.

– Стоп. Стоять! Ты случайно не про... Слушай, я вот и хотел спросить тебя про вчерашнее. Я ничего не понял, так как выходил из зала, но что-то ты вчера такое классное говорил. Про смерть и жизнь. Нам в центре тоже часто говорили про рождение свыше. Хорошо помню, как Господь мне дал родиться заново. У меня зависимость пропала четвёртого июля. Я помню тот день отлично. А вчера ребята сказали, что Андрюха в осадке полном. Тебе нужно евангелизировать людей. Может, ты евангелист?

– В осадке? Что это? Нет, я не в осадке. Я просто Бога хочу увидеть. Хочу умереть духовно, чтобы воскреснуть. Думаю, тут у меня это не получится. Думаю, я куда-то уеду. Наверное, в деревню. Мне даже сон приснился, что я в траве высокой лежу. Я точно знаю, что умру в траве. Наверное, духовно, но буду лежать в траве. Я молюсь каждое утро и вечер. Надеюсь, скоро Иисус мне покажет дорогу...

Римас цокнул и начал рвать зубами вторую запакованную пачку крекеров. Он всегда считал Андрея отсталым человеком и даже однажды на одном из объектов при всех назвал его полоумным, когда тот пытался зашпаклевать стены штукатуркой.

– Я всякое слышал и видел... В центре у нас чудаки были. Говорил, что ему суд приснился. Как закончил лечиться, так пошёл и сдался ментам... эээ... полицейским. Рассказал, как и где кого вставил. Короче, чистосердечка. Два года дали. А я вот думаю – зря. Он, конечно, духовный был. На три месяца раньше меня попал в центр и, когда я пришёл, он уже покаянный был. Молился четко, прям нас всех за душу брало. Стаж у него тоже был серьёзный, два года на героине. Короче, не мне его судить, думаю, Христос его наградит в раю за такой поступок... Но я потом думал: а в чём смысл? Два года тянуть... Смысл? Ты раскаялся – и Бог тебя простил. Иисус кровью заплатил за тебя. Всё! Кому толк от этой тюрьмы? Вот я, например. У меня бизнес, я служение создал, и через нас уже троих с нашего города в центр отправили. А, предположим, я бы сидел сейчас... Есть ведь за что... И что? Не знаю. Я

считаю, у бездельников может и есть время на всю эту глубокодуховность, но современный христианин должен действовать. Ну, с тобой мне всё ясно... Извини конечно, я по-христиански, без подкола. Ты там болеешь, толком ничего не видел... Скучно, наверное. Да и то... Зачем тебе это? Тем более ехать ещё куда-то. Я не буду тебе ничего советовать и учить, так как ты в Боге дольше меня ходишь... Да и ситуация мне твоя не совсем понятна. Говорю же, больше половины пропустил, выходил из зала. А знаешь что? Иди вон к пастору Борису на приём. Ну, понимаешь о чём я? К нему все ходят за советом: когда у кого-то сложная ситуация в жизни, или когда ломает кого... Или, как у тебя, духовные непонятки там... Он помолится за тебя, может что посоветует. Он священник, Богом нам поставлен. Мне помогало всегда. Он помазанник. Через него Дух Святой говорит часто.

Андрей вдруг поставил чашку. Стал сдирать с пальцев присохший грунт... Опустил глаза в пол как-то виновато.

– Да. Точно. Надо было мне вчера с ним поговорить. Меня сёстры немного задержали. Наверное, если бы он мне попался на глаза, я бы к нему подошёл поговорить. А может, он и сам бы захотел поговорить со мной. Послушай, Римас, а как к Борису Сергеевичу записаться? Я просто не знаю. Я с ним вообще редко общался. Там день какой-то есть? Там надо прийти как-то заранее или что?

– Ну, я по телефону звонил, да и всё. Говорил, что хочу встретиться. Договариваешься на день и время... Так, как он раньше по четвергам принимал, такого уже нет. Просто звонишь, и всё.

– А ты можешь сейчас позвонить?

– Сейчас? Ну да. А зачем?

– Ну, записать меня. Ну, в смысле, я бы очень хотел встретиться. Мне нужно.

– Так вот возьми мою трубу, звони, говори...

– А, ну да. Набери Бориса Сергеевича, пожалуйста, а то я не знаю, как в твоём телефоне набирать.

Римас быстро отыскал в записной книжке нужный номер и передал Андрею телефон с раздавшимися в трубке долгими гудками:

– Держи... Разговаривай.

Андрей вежливо поздоровался и объяснил пастору, что это говорит он, а не Римас. Затем они долго не могли выбрать время для встречи, но всё-таки к чему-то пришли. Римас в это время тщательно мыл чашки, чтобы хозяева не заметили, что кто-то из них пил. Стоя спиной, слушал, как запинаясь и заикается Андрей, прощаясь с пастором по телефону. Затем Андрей засобирился домой, поблагодарив Римаса за печенье и работу, которую он ему дал. Андрей оделся и быстро вышел, спеша на маршрутку. Римас подошел к оконному проему проверить, чем весь день занимался Семён. В окно он увидел Андрея, выбегающего из подъезда и одевающего на ходу шапку. Побарабанив пальцами по подоконнику, сказал в полголоса: «Набрал дураков... Прости, Господь...»

На следующий день Андрей работал быстро, так как торопился пораньше домой. Объяснил Римасу, что сегодня пойдёт к пастору на приём в офис, что нужно ещё будет дома переодеться и не опоздать. Римас отшутился, что завтра Андрею придется остаться работать до ночи, но всё же отпустил...

– Иди, переодевайся. Скажи пастору, что я тебя отпустил ради такого случая пораньше...

– Спасибо. Я полетел.

Придя домой пораньше, Андрей сообщил маме, что сегодня идёт к Борису Сергеевичу на приём, и по такому случаю ему нужна чистая рубашка и брюки. Мама была наслышана о пасторе Борисе, да и вообще заочно знала всех членов церкви. Как-то раз, после долгих уговоров Андрея она даже пришла на Рождественское служение, где Андрей играл эпизоди-

ческую роль в молодёжной постановке... Однако, больше она порога церкви не переступала. Сперва по надуманным причинам, а затем и вовсе дала Андрею понять, что это его личное увлечение и пусть скажет спасибо, что его туда вообще пускают. Андрей тогда испугался и больше маму не агитировал. Хотел было познакомить её с Мариной, но и эта попытка не увенчалась успехом. Мама чётко дала понять, что никого в гости не приглашает и сама ни к кому не пойдёт... Так или иначе, при всем при этом у неё хватало мудрости и терпения не мешать Андрею в его церковной жизни. Иногда даже она сама спрашивала о его успехах, друзьях и новостях. Именно поэтому, когда Андрей рассказал про вечернюю встречу с пастором, она была немного удивлена.

– С Борисом Сергеевичем? Это он тебя пригласил, или ты сам напросился?...

– Мама, я сам записался. Просто у меня есть вопросы духовного характера, и мне нужно с ним посоветоваться. Ты не поймёшь.

– Исповедоваться пойдёшь? Уж тебе за что там исповедоваться? Это они вон пусть к тебе ходят за советами. Ты сколько там пропадал на этих стройках бесконечных. И всё за спасибо. Ни копейки ведь не дали... Деловые, советы у них ходишь просить...

– Мама, я не работал, а служил. Это разные вещи. Вот у Римаса я работаю, а там я всё для Бога делал. Меня там, кстати, кормили. Помнишь, я и домой американский майонез приносил?

– Ой... Давай иди лучше мой голову, весь в пыли вон... Брюки я тебе приготовлю.

Мама Андрея недолюбливала церковь. Она знала, как часто его использовали там. Она видела его искреннее желание помогать всем и во всём, и её это раздражало. Когда ему было пятнадцать и шестнадцать лет, дома случались скандалы на эту тему, но теперь, когда он был взрослым и даже работающим человеком, мама могла лишь вставлять комментарии. Андрей их даже и не слышал. Точнее, слышал, но воспринимал, как юмор. Улыбался и отшучивался.

Выйдя из ванны, Андрей увидел на стуле сложенные брюки и рубашку. В этот момент он начал сильно волноваться и думать о том, что же он скажет пастору... Стал мысленно репетировать разговор и представлять, как он будет объяснять Борису Сергеевичу свои мысли и переживания.

В семь вечера Андрей вбежал в здание церкви и устремился на второй этаж по центральной лестнице. Перед входом в зал находилась дверь с табличкой на английском языке «Office». Она появилась недавно, несмотря на то, что офис существовал с первого дня этой церкви. Даже когда здание еще было в ужасном состоянии и первые собрания проходили практически на кирпичках, офис уже был. Ремонт в нём сделали сразу, чтобы пастор мог спокойно трудиться и заботиться о судьбе прихожан в уютной обстановке. Возле двери в коридоре стояло несколько стульев... Уже давно. Видимо, ожидалось, что к пастору будет собираться очередь посетителей, но ее там никогда не было. Андрей сбавил темп и отдышался, прежде чем постучать. Он пришел вовремя, однако на его стук никто не ответил. Тогда Андрей вновь спустился на первый этаж и подошёл к комнате с окошком, где в этот день дежурил брат Марюс.

– Марюс, а пастор уже ушёл? Я ручку дёрнул, а там закрыто. Мы на семь договаривались встретиться, я, вроде, вовремя.

– Его не было ещё. Ты посиди, подожди. Ко мне зайти пока. Сто лет с тобой не разговаривали...

Андрей обошёл комнату и зашёл через дверь, чтобы не разговаривать через окно.

– Может, он забыл? Ну, мы договорились на вторник. Сегодня же вторник?

– Да не переживай. Значит, задерживается. Придёт, раз договаривались. Ты пешком? Как там погода, метёт ещё?

– Да нет уже. Я пешком...

Город, в котором жил Андрей, был небольшой. Круглый, компактный. Таких в Литве много. В советские годы здесь проживало около сорока тысяч, однако теперь оставалось не больше двадцати. Население составляли в основном литовцы, русских людей оставалось всё меньше.

Однако, в церкви было наоборот: литовцев можно было пересчитать по пальцам. Во многом это было связано с тем, что пастор церкви был русским и служения проходили на русском языке. Однажды кто-то предложил хоть иногда петь песни на литовском, но эта идея не прижилась. В целом, Андрея и многих других притягивала русскоязычная атмосфера, которая была большой редкостью в свободной и независимой Литве. Многие прихожане даже и не скрывали, что оказались в церкви во многом по этой причине. Андрей вовсе не знал литовского языка, так как родился в русской семье и всё детство провёл дома с родителями и сестрой. Он посещал русскоязычную школу, программа которой включала в себя обязательное изучение государственного языка, однако по этому предмету у Андрея были лишь плохие отметки. С остальными предметами тоже были большие проблемы, потому родители приняли решение не переводить сына в девятый класс. А Марюс был из тех, кому не представляло никакого эмоционального труда разговаривать по-русски.

– Андрей, присаживайся. Я минут через десять позвоню Борису, если он не придёт. Не переживай. Ты мне вот что скажи: что это было в воскресенье? Я от тебя такого не ожидал. Ты такие вещи говорил серьёзные... Я вообще не помню, чтобы кто-то так со сцены в микрофон говорил. Вижу, что ты духовно вырос... Такая сила была, такой прорыв... Просто не все, наверное, поняли, о чём ты говорил, но я понял сразу. Ты говорил про жизнь, брат, а об этом так мало говорят. В основном, все говорят про привычные рамки, – а ты про жизнь. И хорошо, что Сергея вспомнил. Тот ведь живёт теперь классно, не то что мы тут: от зарплаты до зарплаты. Молодец, брат. Так держать. Надо воодушевлять всех. Ты к пастору по этому вопросу? Он сам тебя вызвал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.